

III. ОСОБЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ

8

Биологическая эволюция и человеческие ценности

М. В. Лапшин

Вводные замечания

Вопросы о природе человека и человеческих ценностях традиционно относятся к разряду философских. В науке они занимают место метатеоретического и мировоззренческого фона, влияние которого на научные исследования не всегда желательно. Существует убеждение, что сфера сущего и сфера должного могут быть разделены: ученые сделают открытия, разработают научные теории, а философы и другие мыслители (публицисты, чиновники, теологи, художники) найдут им подходящее место в мировоззрении и философии. Эта упрощенная нами схема не всегда отражает реальные пути включения нового научного знания в мировоззренческую парадигму. Научные теории часто с самого начала оказываются ценностно и мировоззренчески ориентированными идеями и, закрепившись в научном сообществе, начинают определять ценностные предпосылки исследований и методологии. Биологический эволюционизм – яркий пример научной парадигмы, с самого начала явившейся мощным стимулом для философских размышлений о природе человека и переоценки традиционных ценностей.

Дарвинизм снижал репутацию революционного учения, претендующего на новое знание о человеке и его природе. То ли, с точки зрения эволюции, человек – всего лишь животное, то ли, наоборот, благодаря эволюции человек обрел принципиально новую сущность, – на этот счет дискуссия продолжается. Ясно то, что эволюционное учение дает почву для размышлений о существовании в живой природе добра и зла, справедливости, альтруизма, эгоизма и других тем, традиционно характерных для наук, направленных на познание человека.

Попытки ответить на эти вопросы содержатся в эволюционистских и антиэволюционистских концепциях. Но оценочно-эмоциональная и вообще философская подоплека, как правило, имплицитована и находится

на заднем плане в научных текстах. Главный вопрос эволюционистских исследований: «Как происходит эволюция?» – подразумевает, что ответить на него можно, не учитывая человеческого измерения исследования. Ученые-эволюционисты занимаются своим делом, очевидно, не испытывая «нехватки» философских мыслей по поводу своей работы. Дескриптивный (описательный) язык является традиционным для эволюционных теорий, что обусловлено рамками и методологией научной работы. Вплетение ценностного контекста может восприниматься как нежелательное, запутывающее явление, как софистика.

Научный эволюционизм через решение частных вопросов стремится ответить на вопрос: «Что есть эволюция сама по себе?» По нашему мнению, этот вопрос должен быть предварен философским вопросом о том, в какой степени человеческая сущность исследователя-эволюциониста влияет на его исследование: «Что есть эволюция для нас?»

Ценностный контекст дарвинизма

Центральное направление в биологическом эволюционизме – неodarвинизм – преемник идей Дарвина – концентрирует в себе множество эмоциональных и оценочных точек зрения. Палитра дискуссионных мотивов вокруг идей Дарвина претерпела изменения, вызванные внутринаучными и вненаучными обстоятельствами.

«Происхождение видов» (1859 г.), как известно, не собственно философское произведение. На фоне изложения научного материала Дарвин поместил множество эмоционально-окрашенных пассажей, направленных на формирование оценочного отношения к своей теории. Все живое стремится размножиться в максимальном количестве. Ресурсы – территория, пища и половые партнеры – ограничены, поэтому растения и животные большую часть своих усилий тратят на Борьбу за существование (с прописной буквы – у Дарвина), то есть на выживание и размножение за счет голода и преждевременной смерти конкурентов. По не вполне четко обозначенной причине Природа наделяет некоторых особей более эффективными средствами в Борьбе, благодаря которым они добывают пищу и размножаются лучше других. Обратной стороной Борьбы выступает Естественный отбор, благодаря которому «менее благоприятствуемые» особи и расы размножаются хуже и в конце концов вымирают. Выделившись в новый вид, «более благоприятствуемые» с неизбежностью приведут к вымиранию своих конкурентов, в том числе своих «немодифицированных» предков. По мнению Дарвина, для более полного понимания его теории нужно отвлечься от иллюзии радости и беспечности, якобы царящих в природе. На самом деле животные живут в постоянном страхе быть съеденными, остаться без пищи или не оставить потомства (Дарвин 2001: 66). Этот страх и стимулируемая им Борьба, как настойчиво подчеркивается, и есть движущие силы эволюции.

Эволюция же в целом как произведение Борьбы и Отбора вызывает у Дарвина удивленное восхищение: «...из голода и смерти непосредственно вытекает самый высокий результат, какой ум в состоянии себе представить, – образование высших животных. <...> И между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм» (Дарвин 2001: 419). «Голод и смерть» – вот главные движущие силы прогресса по Дарвину.

Теория Дарвина вызвала известное отторжение в религиозной и нерелигиозной среде не в последнюю очередь именно своей бездушностью. Идея о прогрессе за счет страданий и смерти была воспринята как явный антигуманистический символ, не содержащий дидактического измерения. Надо признать, что Дарвин в «Происхождении видов» сознательно нагнетает этот натуралистический пафос, используя его как средство антирелигиозной пропаганды.

В лице биологии наука предложила новую картину природы, духовно чуждую для европейского мышления. Факт того, что индивидуальные существа умирают, но дают дорогу новым поколениям, мог быть примирен с европейскими духовными ценностями. Идея индивидуальной смерти во имя всеобщего блага включалась в просвещенческий проект человечества как единого целого. Европейцы привыкли к программам по спасению человечества от несправедливости, страдания и, возможно, смерти путем прогресса. Однако в книге Дарвина страдание и смерть, эти традиционные символы зла, впервые на научной основе были провозглашены как движущие силы прогресса и источник красоты. Эволюционирующий мир с точки зрения прогресса ценностно ранжирован: новое лучше, прогрессивнее, ближе к совершенству. Любая форма жизни обречена на «модификацию» или вымирание, являясь строительным материалом для будущих поколений.

«Универсализация» и «гуманизация» эволюционизма

Попытки избавиться от дарвиновской натуралистичности можно обобщенно обозначить терминами «универсализация» и «гуманизация».

«Универсализация» эволюции воплотилась в традицию теоретизирования, когда основное внимание концентрировалось на более общих вопросах – о цели и движущих силах эволюции, их познаваемости и включенности в картину мира. То есть «голод и смерть» не отвергаются как движущие силы эволюции, но они отходят на второй план. Характерной особенностью работ в этом русле является включение биологической эволюции в более широкий эволюционистский контекст.

Одной из ключевых и наиболее оригинальных книг по философии биологической эволюции стала «Творческая эволюция» Анри Бергсона (1907 г.). Бергсона мало волнуют проблемы борьбы за существование

и отбора. В его учении эволюция – наблюдаемое разворачивание во времени пресловутого Жизненного порыва – мистической силы, заключенной во всем живом. Изначально в жизни заложен колоссальный творческий потенциал, который реализуется в возникновении новых таксонов. Каждая новация – не результат взаимодействия наследственности организма, среды, отбора и случайной изменчивости, как это предполагается в дарвинизме. Новое в жизни есть эффект преодоления жизненным порывом сопротивления со стороны материи. Порыв изначально содержит в себе все возможные эволюционные новшества, но ему приходится реализовывать их под тормозящим воздействием вещества. Его можно сравнить со взрывом: в центре его мощь (творческий потенциал) максимальна, распространяясь вширь, он растрчивает свою энергию, но его сущность остается неизменной в каждом из разлетающихся «осколков». Бергсон называет все ветви эволюции, не приведшие к человеку, тупиками (Бергсон 2006: 259). В животных и человеке воплотилась стратегия жизненного движения, связанная с преобладанием интеллекта, то есть интеллект – один из аспектов жизненного порыва; отсюда идея Бергсона о принципиальной непознаваемости эволюции и жизни силами человеческого сознания.

Философ предпринимает оригинальный анализ познавательных способностей интеллекта, из которого заключает, что интеллект непригоден для постижения всего творческого и нового. Интеллект по своей природе стремится все разложить на неподвижные части, то есть представить свой предмет как прерывное и твердое («мертвое»). А в жизни все текуче, динамично, пронизано взаимопревращениями и новациями. *«Интеллект характеризуется естественным непониманием жизни»* (Там же: 175). Отношение к интеллекту как к принципиально неточному и ограниченному средству постижения жизни частично компенсируется у Бергсона возможностью ее постижения интуитивно-мистическим путем.

Картина «творческой эволюции» для него – грандиозное по красоте зрелище. «Это – творчество, которое бесконечно продолжается в силу начального движения. Движение это создает единство организованного мира, единство плодотворное, с неисчерпаемыми богатствами, превосходящее все, о чем мог бы мечтать какой-либо интеллект, ибо интеллект есть лишь один из моментов этого движения, один из его продуктов» (Там же: 124). Появление человека представляется кульминацией эволюции в концепции французского философа. В человеке порыв находит то, что изначально искал – единсущностный элемент, способный к творчеству. Благодаря появлению человека у эволюции открывается бесконечная перспектива, иначе она была бы обречена растратить свой творческий потенциал в «тупиках» (животных и растениях).

Явный антропоморфизм «творческой эволюции» – следствие методологической и онтологической установки философа на глубинное родство человека и природы. Сущность «длящейся» Вселенной он постигает пу-

тем самонаблюдения, ведь она «длится» и в его душе и мышлении. Познавательное движение от человека к природе находит свой прообраз – зеркальное отражение – в движении от природы к человеку (антропогенезе). Жизненный порыв приобретает явные антропоморфные черты: эволюция – это стремление «сверхчеловека» самовоплотиться в природное существо. В человеке «сверхчеловек» находит свою «реальную форму», по пути миллионов лет эволюции утратив часть своей сущности (Бергсон 2006: 259).

Эволюционизм Бергсона однозначно неселекционистский, недарвиновский. Французский философ приводит обширный материал из современных ему работ по биологии, но вопрос о движущих силах эволюции (Борьба и Отбор) он игнорирует. На это место ставится всеобъясняющий, но сущностно непознаваемый жизненный порыв. В этом свете «Творческая эволюция» скорее продолжает традицию идей из «Философии зоологии» Ж. Б. Ламарка (1809 г.). Как известно, Ламарк был сторонником биологического эволюционизма, но концепция движущих сил эволюции в его работах была прописана неотчетливо. Его учение не привлекло к себе серьезного внимания в современном ему научном сообществе. Впоследствии дарвинизм противопоставлялся ламаркизму как научная теория – ненаучной (мистической). В отсутствие естественного отбора у Ламарка роль движущей силы прогресса выполняет мистическая сила, заставляющая организмы самосовершенствоваться. Активное начало эволюции у Ламарка расположено внутри организмов, у Дарвина же судьба организма в большей степени зависит от игры обстоятельств (Шаталкин 2009: 62).

В XX в. сформировалась научно-философская традиция космического эволюционизма, в значительной степени «без Дарвина». Концептуальное ядро дарвинизма – прогресс через Борьбу и Отбор (смерть и страдание) – во вселенских масштабах неактуально, а эволюция, как предполагается, происходит в силу присущей природе способности к самосовершенствованию. Через А. Бергсона (творческая эволюция), П. Тейяра де Шардена (учение о «точке Омега»), Ф. Тiplера (антропный принцип), И. Пригожина (синергетика) до современной парадигмы универсального (глобального) эволюционизма проходит развитие философии эволюции с упором на общетеоретическое измерение. Траектория мысли по построению космической эволюции обходит Дарвина: ее истоки лежат у Анаксагора и Гераклита, затем она возрождается у Декарта и Канта, физико-математическое же ее наполнение происходит в XX в. в трудах А. Фридмана и Леметра (Турсунов 1986: 102). Возникает вопрос: а правомерно ли использовать одно и то же слово *эволюция* для обозначения развития в неживой и живой природе? Универсальный эволюционизм самим своим названием (и существованием) отвечает на этот вопрос положительно: ведь жизнь на Земле – часть Вселенной, а потому все, что происходит с жизнью, включая ее эволюцию, автоматически входит в Мега-историю.

Вопрос об интеграции методологических оснований различных эволюционистски ориентированных наук (космологии, химии, геологии, биологии, социальных наук) – насущнейшая проблема современности. На этом пути усилия теоретиков-эволюционистов направлены на поиск в «эволюционизмах» разных уровней универсальных закономерностей, разработку интегративных концепций (Гринин, Коротаев, Марков 2009). Каждое новое обоснованное обобщение служит преодолению разобщенности эволюционного знания, вносит вклад в формирование единой эволюционной парадигмы. В этом свете выявление принципиальных методологических «несстыковок», за которыми скрывается онтологическая разнородность предметной области эволюционистики, может стать стимулом для новых исследований.

«Гуманизирующее» движение против дарвинизма связано с созданием биологических эволюционных концепций, включающих в себя альтернативные естественному отбору механизмы эволюции. Основные идеи сформулированы в книге П. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902 г.). Раздел книги о биологической эволюции посвящен критике дарвинизма именно в части примата Борьбы. По П. А. Кропоткину, ситуация в природе обстоит с точностью до наоборот. Животные не страдают и не испытывают страха, они наслаждаются жизнью. Они играют, танцуют, поют, – и все от избытка жизненных сил. Движущей силой эволюции является не Отбор, а «общительность», то есть стремление к совместному приятному времяпрепровождению и взаимопомощи. Автор собрал большой материал с примерами альтруизма и коллективного поведения в животном мире, якобы противоречащих теории Дарвина. Естественный же отбор, по П. А. Кропоткину, ведет в эволюционные тупики. В жестокой Борьбе за существование и в условиях массовых вымираний останутся только узкоспециализированные виды, способные «состояться» за выживание, но никак не более совершенные с эволюционной точки зрения. Например, сибирская лошадь, способная выживать при экстремальном голоде и морозе, но которая ни в какое сравнение не идет по силе и красоте с джерсейской лошадью, выросшей в отсутствие борьбы за ресурсы¹. То же и с людьми: общности, вынужденные вести ожесточенную борьбу за существование (например, австралийские туземцы), безнадежно отстают в культурном развитии от европейцев, живущих в относительном продовольственном благополучии (Кропоткин 2007: 67–68). «Зло не может породить добра», – цитирует П. А. Кропоткин статью Н. Г. Чернышевского о дарвинизме.

В XIX и XX вв. происходило идейное противоборство дарвинизма-тихогенеза (ненаправленной, случайной эволюции) и ортогенеза. Для ор-

¹ Неужели П. А. Кропоткин забыл, что породы домашних животных – результат искусственного отбора, не менее беспощадного, чем естественный?

тогенетиков было важно доказать, что эволюция происходит направленно, что эволюционные новшества возникают не случайно, а в силу закономерностей (естественных или сверхъестественных). Но, помимо решения этой задачи, много сил было потрачено на критику дарвинизма (селекционизма), в том числе на разоблачение его «антигуманистической» сущности. В этом направлении объединены усилия как ортогенетиков, так и антиэволюционистов.

Среди отечественных биологов-философов сформировалось движение в поддержку «недарвиновской» эволюции. Заявлены системная, экосистемная, коэволюционная, эпигенетическая, диатропическая концепции эволюции. В качестве ориентира эпистемологических и ценностных корректировок в биофилософии выступает желание «гуманизировать» эволюцию, представить ее как проявление разумного, духовного начала². «Новая эволюционная парадигма» фокусирует внимание на явлениях сотрудничества, кооперации, взаимопомощи как эволюционных преимуществах. По мнению И. К. Лисеева, «утвердилось осознание теоретической и общекультурной перспективности представлений о кооперации и взаимопомощи как факторах эволюции, т. е. произошла кардинальная смена ценностных установок» (Лисеев 2001: 120).

Подчеркивается противопоставление: если у Дарвина развитие жизни стихийно, а судьба всех живых существ по отдельности трагична, то сейчас нужно на все смотреть по-новому: биологические новации – целесообразны, все живое (биосфера) разумно и развивается как единый организм. Эволюция, как сообщается, отражает реакцию биосферы на экологические кризисы, появление новых экологических ниш, космические катаклизмы, то есть, в сущности, целесообразна. В общем, эволюционирующая биосфера разумна, только эта разумность не сознательна, как у человека, а бессознательна: ее разум как бы «распылен» по всей биомассе (Назаров 2007; 2011).

Сторонники «гуманной» и целесообразной эволюции сосредоточивают свое внимание на слабых местах неodarвинизма (синтетической теории эволюции), в особенности на роли мутаций (*случайных* ошибок при делении половых клеток) как основного механизма изменчивости, способной привести к образованию новых видов, классов, семейств и т. д. Приводятся доводы за то, что мутаций и естественного отбора явно недостаточно для объяснения всей эволюции, необходимо искать более «продуктивный» источник эволюционных новшеств. Не может быть, чтобы причиной всего грандиозного разнообразия жизни было всего лишь «механическое следствие ошибки в правильном воспроизведении наследственной молекулы» (Он же 2007: 435)! Яркие аналогии: новую машину нельзя создать переделкой деталей старой; если перепутать звуки в словах, не может возникнуть новый язык (Болдачев 2007: 126).

² Подборка авторитетных мнений за и против «новой парадигмы» представлена в: Существует... 2011.

Бросающимся в глаза недостатком «новой парадигмы» представляется отсутствие новых научных открытий и идей, которые послужили бы основой для недарвиновских концепций. Прогресс генетики, этологии и молекулярной биологии происходит в целом в русле дарвиновских воззрений. Идеальным стимулом «гуманизаторов» выступает именно стремление наделять эволюцию чертами разумности, а разум прочно ассоциируется с гуманизмом. С нашей точки зрения, аксиологический аспект здесь явно определяет эпистемологию. Пафос разоблачения дарвинизма, сенсационности вкупе с пропагандой более близких для широкого читателя ценностей: польза сотрудничества, бессмысленность существования, творческая и разумная основа космической истории – все это стимулирует интерес к альтернативным теориям эволюции. Эволюция «с человеческим лицом» – искусственный конструкт, в котором влияние ценностных установок исследователя явно доминирует над научной составляющей.

Кстати, идея о необходимости «гуманизировать» биологию, сосредоточиться на явлениях внутривидовой взаимопомощи и симбиоза была одной из ключевых в идеологии «мичуринской биологии» Т. Д. Лысенко³.

Дарвинизм и религиозное мышление

Как известно, эволюционизм и религиозное мышление издавна противопоставляются. Креационизм, соединенный с отрицанием трансформизма (идеи об изменяемости видов), находится за рамками научно-рациональной традиции, поэтому он заведомо непроницаем для научных доводов и критики. Более интересны попытки религиозных мыслителей обсуждать эволюционизм «на его территории», то есть в контексте научной рациональности.

Один из ключевых мотивов «Происхождения видов» – разоблачение разновидности креационизма, которая была известна Дарвину по версии, распространенной в Великобритании той эпохи. Дискуссии вокруг появления книги в религиозных и научных кругах подробно освещены в литературе. Можно сказать, реакция на книгу стала символом конфликта религиозного и научного мировоззрений. Каковы же основные аргументы против дарвинизма с точки зрения ценностного контекста? Основной пласт аксиологической «ущербности» дарвиновского эволюционизма проистекает из его несочетаемости с теизмом христианского толка: прогресс происходит не в силу божественного (разумного) промысла, а в силу естественных причин, перемешанных со случайностными факторами. Более ценными в природе являются силы, наделяющие существа эгоиз-

³ По мнению Э. И. Колчинского, подавляющее большинство современных отечественных публикаций под эгидой «новой парадигмы в биологии» (концепции об изначальной целесообразности живого, прямом формообразующем влиянии среды, эволюции без отбора и т. д.) содержательно представляют собой переключку с трудами лысенковцев («неолысенкоизм») (Колчинский 2011: 31).

мом, жестокостью, хитростью, плодовитостью. Кажется, что в «мире Дарвина» нет места справедливости, добру, самоотверженности, верности и другим традиционным («христианским») ценностям.

Долгое время считалось, что религиозное мышление на основе библейской традиции связано с отрицанием не только дарвинизма, но и эволюции вообще. В последние десятилетия ситуация меняется. В христианской среде (прежде всего в США и западных странах) появились такие направления, как *теистический эволюционизм*, или *эволюционный креационизм*. Это клерикальное движение в поддержку мирного сосуществования науки и религии, выступающее против буквалистского толкования ветхозаветных текстов. Провозглашается идея о том, что знание об эволюции Вселенной (Мегаистории) не противоречит христианскому мировоззрению; наоборот: в Библии можно отыскать фрагменты, намекающие на развитие в природе. Продвижение этих идей сталкивается с рядом теологических трудностей. Например, факт истории животного мира до появления человека противоречит догмату о том, что Смерть порождена Грехом. Если животные поколение за поколением рождались и умирали, то существовала Смерть без грехопадения. Протоиерей Андрей Кураев предлагает преодолеть это противоречие, объявив смерть животных не смертью в человеческом смысле. Так как животные не обладают душой, то их уничтожение можно не называть Смертью (Кураев: <http://evolbiol.ru/kuraev.htm>). Таков в целом уровень проблем и аргументации.

Короче говоря, в христианских кругах идет дискуссия о возможности трансформизма – естественной изменчивости животного мира. Само собой, антропогенез из истории природы исключается – это сугубо божественное творчество. Таким образом, религиозные мыслители воскрешают научные споры начала XIX в. (Ламарк).

Инициатива на сближение науки и христианства исходит также со стороны некоторых ученых, которым в силу различных причин близки ценности монотеистических религий. Мысль ученых неизбежно сталкивается с противоречием: с одной стороны – идея о всеблагом Боге, с другой – повсеместность в природе боли, страданий и смерти. Умение развитых животных ориентироваться с помощью органов чувств (предпосылка для появления человеческого сознания) включает в себя чувствительность к боли, голоду, сексуальной неудовлетворенности, страху опасности и другим формам дискомфорта. Только так животное способно выжить, а в перспективе – эволюционировать в разумное существо (Пикок 2007: 132).

По словам религиозного биохимика Артура Пикока, нельзя отмахнуться от того факта, что новые, модифицированные существа возможны только за счет смерти старых, менее приспособленных. Таким образом, теист, признавая факт эволюции, должен понимать, что «боль, страдание и смерть тоже несут определенный смысл и для Бога, в частности... Можно предположить, что Бог вместе с нами терпит естественное зло мира,

потому что таким путем он стремится привнести в мир большее добро, царство свободной воли, где личности пребывают в любви друг к другу и к Богу» (Пикок 2007: 133). Другими словами, зло порождает добро. На наш взгляд, идея Бога, который безучастно и бессильно терпит «естественное зло мира» и ждет наступления царства свободной воли, плохо соотносится с христианско-иудейской и тем более с исламской традицией. Рассуждения Пикока и других ученых, философствующих в русле религиозного мышления, лишней раз показывают, насколько негармоничны отношения между дарвинизмом и его теологическими интерпретациями. Преждевременным представляется оптимизм оксфордского богослова Обри Мура (современника Дарвина), говорившего о том, что дарвинизм, появившись в маске врага, совершил дружеский поступок: он принес неопределимую пользу философии и религии, поставив нас перед выбором между двумя крайностями. Либо Бог существует везде в природе, либо же – нигде.

Основная причина отсутствия внятного диалога между эволюционной биологией и авраамическими религиями – коренная несовместимость дарвиновского учения (Борьба и Отбор) и провозглашаемых религиозных идеалов: справедливость, альтруизм, сверхъестественная подоплека всего прогрессивного и хорошего. Существует психологическая установка на необходимость гомогенности, однородности идеалов в природе и мире человека. Картина, рисуемая дарвиновской наукой, разделяет мир должного для животного (растения) и человека. Казалось бы, это могло бы стать аргументом в пользу религии: мир природы лежит во зле, и именно человек благодаря своему божественному происхождению возвышается своей духовностью над злой природой. Но такой аргумент неубедителен. Дарвин при создании своей теории вдохновлялся в том числе идеями Мальтуса, а впоследствии написал книгу о происхождении человека (от обезьяноподобного предка). Методология эволюционной теории изначально направлена на сближение сущностей природы и человека, и потому идеи Дарвина принципиально антирелигиозны.

«Дарвиновское» и «недарвиновское» мировоззрения

Людей, как правило, с детства учат быть добрыми, щедрыми, честными. Но в природе с такими качествами долго не проживешь, там выживают хитрые, агрессивные, безжалостные. Само развитие знаний о природе углубляет ценностное восприятие онтологического разрыва между человеком и природой и находит выражение в дискурсе о природном статусе человеческой сущности, в частности вокруг Тезиса о человеческой исключительности. По мнению Жана-Мари Шеффера, европейская научно-философская традиция столетиями пестовала идею о принципиальном бытийном отличии человека как мыслящего существа от остального мира («Тезис»). Тезис является органической частью европейского мировоззре-

ния, образования и мышления. Современная биология, чьи достижения поступательно разрушают границы между человеком и высшими животными, сталкивается с необходимостью преодоления мыслительных стереотипов и мировоззренческой инертности европейцев (Шеффер 2010: 17–53). Многие исследовательские программы, направленные на изучение человека биологическими методами, изначально обречены на ярлык биологизаторского редукционизма. Многим к тому же еще памятна евгеника, опирающаяся на социал-дарвинизм. Долгожданный синтез гуманитарного и естественно-научного знаний не происходит.

По идее специалиста в области эпистемологии Стивена Фуллера (Великобритания), ближайшие десятилетия станут ареной борьбы за дух науки между двумя мировоззренческими парадигмами: антропной и кармической. Антропная альтернатива (на ее стороне Фуллер) связана с основными монотеистическими религиями и позитивизмом: это развитие науки с опорой на Тезис, веру в человеческий прогресс и привилегированное, по сравнению с остальными живыми существами, положение человека в универсуме. Ей противостоит кармическая альтернатива, воплощенная в дарвинистской биофилософии (Фуллер 2005: 182). Неодарвинизм, по Фуллеру, в мировоззренческом плане близок дхармическим религиям Востока: буддизму, индуизму, джайнизму. Их основные сходства:

- 1) жизнь существа обусловлена прошлыми жизнями (генами);
- 2) влияние прошлых жизней (наследственность) контролируется индивидом лишь частично;
- 3) прогресс возможен только за счет смерти;
- 4) все формы жизни – проявления одной жизненной силы (единство генетического кода у всех живых существ).

Синтетическая теория эволюции (которая в определенной мере может рассматриваться как неодарвинизм), таким образом, образует с христианством пару противоположностей: но это не противостояние науки и ненауки, между ними более глубокий конфликт – конфликт восточного и европейского мироотношений. У нас нет сведений о возможном влиянии религий Востока на Дарвина, вероятно, его не было. Но многие философские экспликации из дарвинизма, особенно на рубеже XX и XXI вв., могут быть рассмотрены через призму кармического духа. Живые организмы находятся в постоянной борьбе за существование. Страх, страдание и смерть – неотъемлемые условия развития. От страданий невозможно избавиться полностью, их можно временно уменьшить. Таким образом, дарвиновская биофилософия также в высшей степени ценностно и философски нагружена.

Одним из наиболее ярких глашатаев кармической науки Фуллер считает британского биолога и популяризатора светского гуманизма Ричарда Докинза. Докинз известен как автор учения об «эгоистичных» генах. В его книгах открывается мир войны генов против генов, где молекулы ДНК

создают себе организмы для выживания и борьбы. В конечном счете живые существа (фенотипы) – лишь средства, с помощью которых гены (аллели) защищают свои интересы в биогеоценозах: их единственная цель – размножиться быстрее конкурентов. Организмы рождаются и умирают, но сами гены практически бессмертны. С точки зрения генов любое поведение организма имеет право на существование, лишь бы обеспечивало воспроизводство кодирующих их генов. Докинзу наиболее интересны случаи, когда гены манипулируют, обманывают, паразитируют. Гены ведут себя как «преступники и стражи порядка, компаньоны, свободные художники, рэкетеры, наркоманы и прочие блуждающие наноагенты, из автоматических поступков и конфликтов которых складывается наблюдаемое нами чудо природы» (Деннет 2010: 447). Фуллер замечает, что дарвинистская «космология» Докинза по духу ближе к древнеиндийскому эпосу «Махабхарата», чем к чему-либо из Библии (Фуллер 2005: 190). Открытая борьба на уничтожение, симбиоз, отношения паразита и хозяина, эгоизм и альтруизм, – все это стратегии, которые имеют место в природе только там и тогда, когда обеспечивают выживание и размножение генов, то есть служат средствами дарвиновских Борьбы и Отбора.

При этом Докинз критикует полунаучную-полурелигиозную «теорему Би-Би-Си». Это пропагандируемая в документальных фильмах (вспомните «В мире животных») идея о равновесии в природе: мол, растения и бактерии, травоядные и хищники, паразиты и падальщики – все образуют сбалансированную и взаимовыгодную систему. Такое впечатление, будто зайцам «выгодно», чтобы их поедали волки, поскольку таким образом «регулируется» их численность, и т. п. (Докинз 2010: 339). С точки зрения же генов, наблюдаемая гармония – сиюминутный баланс их борьбы и интересов. У генов нет никакого высшего предназначения хранить некое равновесие. Просто существуют те гены, которые выжили, все остальные погибли, и любой биогеоценоз приходит в равновесие «снизу», как результат борьбы входящих в него генных стратегий. Докинз совершает «коперниканский переворот» во взглядах на взаимоотношения фенотипа и генотипа, и этот переворот открывает новую панораму, похоже, столь же бездушную, сколь и изящную с точки зрения научной методологии.

Генетическая перспектива стирает границы между «миром Дарвина» и «миром Кропоткина». Животные и страдают, и насаждаются жизнью. Для генов безразличны житейские страсти их организмов, – лишь бы исправно выполняли свою работу.

Фуллер опасается, что распространение кармического мировоззрения чревато значительными гуманитарными издержками для человечества. Под угрозу поставлено не только представление о человеке как сотворенном «по образу и подобию Божию», но и вопрос о ценности жизни и прав человека. По его мнению, только антропное мировоззрение защищает человечество от рецидивов антигуманистических проявлений под эгидой науки вроде евгеники.

Таким образом, пути дарвинистского эволюционизма и теистического мировоззрения не сближаются, а все больше расходятся. Кармическая парадигма неодарвинизма, обозначенная С. Фуллером, носит мнимо религиозный характер: здесь нет апелляции к сверхъестественному и мистике, нет веры в личное бессмертие, не провозглашаются непреодолимые границы научной рациональности и методологии.

Заключение

Ценностные аспекты эволюционного учения имеют не только важное мировоззренческое значение, но также могут определять эпистемологию теоретических обобщений и научных исследований.

Вероятно, эта составляющая эволюционизма в настоящее время, когда число вопросов растет быстрее числа ответов, не только не может быть элиминирована из научного и философского дискурсов, но является их существенным компонентом. Важно найти место, роль и рамки ценностного измерения эволюционизма, скрытую аксиологическую и философскую проблематику в его методологии.

Дарвинизм содержит в себе вполне конкретную и ценностно нагруженную идею: прогрессивное развитие возможно только за счет страдания и смерти (результата Борьбы и Отбора). За 150 лет развития эволюционной биологии после «Происхождения видов» эта идея не только не «ушла» из эволюционизма, но и, по мнению Фуллера, обрела новые, не менее «зловещие», чем у Дарвина, очертания (Докинз, Сингер, Уилсон). Налицо явный дисбаланс между мировоззренческими ориентирами, провозглашаемыми европейским гуманизмом и религией, с одной стороны, и той картиной мира, которую рисует дарвиновская наука, – с другой.

В современных условиях, когда эволюционное учение в значительной степени состоит из дискуссионных гипотез, описаний давно минувших событий, неоднозначно трактуемых фактов и при этом находится под пристальным вниманием равнодушной общественности, любое теоретическое обобщение в этой области начинает претендовать на статус идеи, затрагивающей вопросы мировоззрения и философии.

Биологический эволюционизм выступает как отправная точка, от которой исторически происходит экстраполяция эволюционного подхода на неживую природу и социум. Вера в то, что все эволюционные процессы во Вселенной объединены глубинным сущностным родством, – стимул для новых междисциплинарных исследований, разработки общенаучных интегративных концепций (Гринин, Коротаев, Марков 2012; Спир 2012). Как заявляют авторы монографии «Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы» (Ильин, Урсул А., Урсул Т. 2012: 46–47), глобальный эволюционизм (одна из наиболее авторитетных интегративных концепций) развивается и будет развиваться с опорой не на философию, а на общенаучные формы и средства познания (синергетику, теорию информации).

Сознательная элиминация философского измерения из эволюционизма, в свою очередь, является философской позицией, требующей специ-

ального обоснования. По нашему мнению, отказ от учета мировоззренческой и философской компонент эволюционного знания может приводить к ложному толкованию теорий и концепций, к риску направить исследование по пройденному (ошибочному) пути, а также обедняет содержание эволюционистского дискурса.

Библиография

- Баксанский О. Е., Лисеев И. К. (Отв. ред.) 2011.** Существует ли естественный отбор (Материалы круглого стола). *Идея эволюции в биологии и культуре*. М.: Канон+; Реабилитация.
- Бергсон А. 2006.** *Творческая эволюция*. М.: Кучково поле.
- Болдачев А. В. 2007.** *Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Марков А. В. 2009.** Ароморфозы в живой природе и обществе: опыт сравнения биологической и социальной форм макроэволюции. *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Марков А. В. 2012.** Биологическая и социальная фазы макроэволюции: сходства и различия эволюционных принципов и механизмов. *Эволюция: аспекты современного эволюционизма* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков. М.: ЛИБРОКОМ.
- Дарвин Ч. 2001.** *Происхождение видов путем естественного отбора*. 2-е изд., доп. СПб.: Наука.
- Докинз Р. 2010.** *Расширенный фенотип: длинная рука гена*. М.: Астрель: CORPUS.
- Деннет Д. 2010.** *Послесловие в кн.: Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена*. М.: Астрель: CORPUS.
- Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2012.** *Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы*. М.: Изд-во МГУ.
- Колчинский Э. И. 2011.** От юбилея до юбилея: эволюционный синтез в социально-культурном и когнитивном пространствах за последние полвека. *Идея эволюции в биологии и культуре* / Отв. ред. О. Е. Баксанский, И. К. Лисеев. М.: Канон+; Реабилитация.
- Кропоткин П. А. 2007.** *Взаимопомощь как фактор эволюции*. М.: Самообразование.
- Кураев А. [Б. г.]** Может ли православный быть эволюционистом? URL: <http://evolbiol.ru/kuraev.htm>
- Лисеев И. К. 2001.** Становление новой парадигматики в биологических исследованиях. *Философия науки*. Вып. 7. *Формирование современной естественнонаучной парадигмы*. М.: ИФ РАН.
- Назаров В. И. 2007.** *Эволюция не по Дарвину: Смена эволюционной модели*: уч. пособ. 2-е изд., испр. М.: ЛКИ.
- Назаров В. И. 2011.** Экосистемная теория эволюции вместо синтетической / *Идея эволюции в биологии и культуре* / Отв. ред. О. Е. Баксанский, И. К. Лисеев. М.: Канон+; Реабилитация.

- Пикок А. 2007.** Теология перед лицом эволюции: вызов и стимул. *Много миров. Новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский контекст* / Ред. Дж. Д. Стивен. М.: АСТ; Астрель.
- Спир Ф. 2012.** Большая история: энергия, энтропия и эволюция сложности. *Эволюция: аспекты современного эволюционизма* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков. М.: ЛИБРОКОМ.
- Турсунов А. 1986.** *Человек и мироздание: Взгляд науки и религии*. М.: Советская Россия.
- Фуллер С. 2005.** Антропная и кармическая альтернатива: модернизация научно-религиозного дуализма для XXI века. *Эпистемология & философия науки* 4: 181–191.
- Шаталкин А. И. 2009.** Ламарк и Дарвин. На пути к синтезу / Ред. А. В. Свиридов, А. И. Шаталкин. *Эволюция и систематика: Ламарк и Дарвин в современных исследованиях. Сборник трудов зоологического музея МГУ*. Т. 50. М.: Тов. науч. изд. КМК.
- Шеффер Ж.-М. 2010.** *Конец человеческой исключительности*. М.: Новое литературное обозрение.

Аннотация

Статья М. В. Лапшина «Биологическая эволюция и человеческие ценности» посвящена вопросу о месте и роли ценностного измерения в эволюционистских теоретических концепциях. Идеи Дарвина изначально содержат в себе ценностно-ориентированное ядро, влияние которого проявляется в биофилософских концепциях в XX в. Основной этико-аксиологический посыл «Происхождения видов» – жестокость и несправедливость («голод и смерть»), царящие в природе и являющиеся движущими силами эволюции. Последующие философские обобщения в русле научного эволюционизма имплицитно содержат стремление элиминировать эти антигуманистические (нехристианские) мотивы из эволюционизма. Здесь выделяются две наиболее ярко и концептуально оформленные линии теоретизирования: «универсализация» эволюционизма и его искусственная «гуманизация». В рамках универсализации основное внимание направляется на глобальные и философско-абстрактные аспекты эволюции. Гуманизаторы эволюционизма выделяют в природе и эволюции прогрессивность взаимопомощи и сотрудничества, пытаются обосновать возможность эволюции без дарвиновских борьбы за существование и естественного отбора. Обе эти линии не оказали решающего влияния на научную эволюционную биологию XX–XXI вв., которая развивает дарвиновскую идею эволюции как борьбы за существование и естественного отбора (дифференциального размножения). Налицо раскол между дарвиновским (Уилсон, Докинз, Сингер) и недарвиновским эволюционными мировоззрениями, который ярко проявляет себя в не достигающих успеха попытках сближения эволюционного учения и религии. Данное противостояние выражает конфликт восточного и западного мировоззрений (кармическая и антропная альтернативы, по С. Фуллеру) и его исход, вероятно, будет определять дух науки в XXI в.

Ключевые слова: биологическая эволюция, дарвинизм, недарвиновская эволюция, естественный отбор, наука и религия, наука и мировоззрение, гуманизм, биофилософия.